

Роль исторического наследия тюркизма для формирования современной казах(стан)ской идентичности Тимур Козырев

Тимур Козырев, к.ф.н.,
и.о. доц. ТарГУ им. М.Х. Дулати

Роль исторического наследия тюркизма для формирования современной казах(стан)ской идентичности

(Введение. – Современная теория национализма: краткий обзор. – Краткая история формирования тюркизма. – Тюркизм и национальное строительство в Казахстане. – Общетюркская парадигма применительно к национальной истории. – Заключение.)

Введение

Интерес к идеям тюркизма, усилившийся в казахстанском обществе в конце 1980-х, и особенно с начала 1990-х гг., после обретения нашей страной государственной независимости, определяется следующими факторами:

во-первых, происходящие в мире процессы глобализации и региональной интеграции – такие как образование ЕЭС, сотрудничество между странами АСЕАН, – естественным образом приводят к мысли о возможности аналогичной интеграции в рамках Центральной Азии; данная идея уже не раз озвучивалась президентом РК Н.А. Назарбаевым;

во-вторых, в процессе переоценки национальной истории, начавшемся еще в период перестройки в СССР, естественным оказалось обращение к наследию казахского национально-освободительного движения начала прошлого века. Как известно, одним из двух главных течений в составе этого движения было тюркистское направление, связанное в первую очередь с именем Мустафы Шокая (1890-1941);

наконец, **в-третьих**, общим местом дискуссий о будущем Казахстана является проблема отсутствия или, по крайней мере, слабости базы для формирования в нашей стране **гражданской нации** [1], объединенной на основе **единой системы ценностей**. Одной из главных проблем в данном контексте является то, что для строительства гражданской нации необходимым является наличие системы **политических ценностей** – т.е. некоего чисто социального идеала, не связанного напрямую с этническими ценностями, но при этом достаточно амбициозного и эмоционально насыщенного, чтобы мобилизовать большинство населения. В качестве примеров можно привести знаменитое «Свобода, Равенство, Братство!» в революционной Франции, идеал построения коммунистического общества в СССР или, например, идеал демократии и «демократического мессианизма» в США. Очевидно, что ни в одной из постсоветских стран, и в т.ч. в Казахстане, такой системы политических ценностей не существует. Т.о., национальное строительство в Казахстане, фактически, может реально основываться только на **традиционных ценностях** – таких как язык, культура и религия [2]. В то же время, в условиях полиэтничного казахстанского общества важной задачей является избежать жесткой этнократии и расслоения общества по этническому признаку. Возможным вариантом компромиссного решения может быть обращение к традиционным ценностям надэтнических общностей, к которым принадлежит казахский народ – а именно, к ценностям тюркской и мусульманской общностей.

Принимая последний тезис за отправную точку, далее мы постараемся раскрыть его как можно подробнее.

Современная теория национализма: краткий обзор

Одной из основных проблем, тормозящих национальное строительство в Казахстане, реально является частое смешение и размытость понятий во всем, что касается таких тем как **этнос, нация, национализм, национальное государство, гражданское общество**. Эта безграмотность, унаследованная нашим обществом от советского времени, на каждом шагу приводит к недоразумениям, чреватым конфликтами – как минимум, между политиками. Ключевым для нас является понятие **национализм**. В советский период слово «национализм» было почти ругательным, и значение, которое в него вкладывали, было сугубо негативным – либо «ненависть к другим нациям», либо «идея национального превосходства». В действительности подобные явления в современной науке обозначаются термином «крайний национализм» либо «ультра-национализм», в то время как **национализм** вообще – это весьма широкое понятие без какой-либо негативной коннотации, приблизительно соответствующее тому, что мы привыкли называть «национальным самосознанием». Точнее говоря, национализм – это современный принцип организации общества, проявляющийся в том, что **этничность** (т.е., в первую очередь, **язык и культура**) в наше время неизбежно становится фактором **политики**, орудием **власти** и неотделимым атрибутом **гражданского самосознания**. Современное государство, в отличие от государств докапиталистической, до-индустриальной

эпохи, не может существовать без единого, общепонятного языка и единого культурного стандарта. И наоборот: **этнос** для своего выживания в современном мире остро нуждается в **государственности** [3, с. 19, 22]. Народы, лишённые государственности, в 21 веке практически обречены либо на исчезновение, утрату своей индивидуальности, либо на сохранение ценой изоляции и отсталости [4, с. 107][31].

Причины такой ситуации (сложившейся первоначально в Западной Европе в 18-19 вв., а затем в результате колониальной экспансии европейских держав породившей цепную реакцию и на других континентах) были как социально-экономическими, так и мировоззренческими. **С одной стороны**, развитие технологий требовало, как минимум, всеобщей грамотности – т.е., умения читать и писать на каком-либо конкретном общепонятном языке; развитие национальных рынков также обостряло потребность взаимопонимания – по крайней мере, в пределах единого государства; разрушение сословных перегородок в обществе и повышение социальной мобильности людей еще более способствовало унификации языка и культуры. **С другой стороны**, если в докапиталистическую эпоху господствовала вера в священную, богоданную природу власти[41], то с ослаблением влияния религии среди европейской образованной прослойки в 18-19 вв. возобладал взгляд, согласно которому источником легитимности власти является не сверхчеловеческая Высшая инстанция, а сам **народ**. Иначе говоря, законной считается та власть, которая избрана народом, либо действует в интересах народа, либо, по крайней мере, прикрывает свои действия, опять же, интересами **народа** (как поступали все диктаторы 20 века – от Сталина и Гитлера до Пиночета и Ким Чен Ира). Повышение политической роли языка и культуры привело к тому, что понятие «народ» стало практически отождествляться с **этносом**, а **государственность** стала восприниматься как «слуга народа», т.е. как производная величина по отношению к этносу. Отсюда естественно вытекает лозунг «Каждому народу – свое государство!», т.е. хорошо знакомая нам идея **права наций на самоопределение**.

В советское время (вплоть до 1980-х гг.) сама тема национализма была табуирована. По меткому выражению одного из современных специалистов, «само лексическое поле, в котором могла бы идти дискуссия о национализме, было оккупировано и деформировано идеологией настолько, что на русский было трудно переводить западные тексты по национальной проблематике» [5, с. I-II]. Между тем на Западе наука о национализме (Nationalism Studies) представляет собой развитую отрасль гуманитарно-социальной науки. В этой связи следует назвать имена таких выдающихся специалистов как Эрнст Геллнер, Энтони Смит, Бенедикт Андерсон, Эрик Хобсбаум, Мирослав Грох и др. К сожалению, по сей день на русский язык переведены только труды Э. Геллнера, а на казахский язык переводов нет. Между тем, для научного сообщества таких молодых государств как Казахстан, в настоящий момент формирующих свою идентичность, потребность в научных знаниях по теории национализма весьма велика.

Наконец, здесь необходимо ввести одно из ключевых понятий современной теории национализма – то, что в англоязычной литературе называется nation-building project, в буквальном переводе: «проект строительства нации» (чтобы не использовать столь громоздкое словосочетание, ниже в тексте мы будем говорить «национальный проект»). **Национальный проект** есть широкая программа действий, осуществляемая, как правило, государством и/или национально ориентированной интеллигенцией и ставящая целью определенным образом сформировать общественное самосознание населения государства или какого-либо этноса с целью его (самосознания) трансформации в национальное. В современном мире практически любое государство вынуждено развивать и осуществлять свой собственный национальный проект – в противном случае само его существование оказывается под угрозой. Национальные проекты могут быть как удачными (их результатом являются все современные нации), так и неудачными (ярким примером является попытка создания «новой общности советский народ»[51]).

Краткий обзор истории тюркизма

Как уже было сказано выше, перспективным представляется обращение к традиционным ценностям надэтнических общностей, к которым принадлежит казахский народ – а именно, тюркского и, шире, исламского мира. В этой связи актуальным становится изучение исторического наследия **тюркизма**. Тюркизм – идеология, возникшая в конце 19 столетия и распространившаяся среди тюркоязычной мусульманской интеллигенции – как среди народов, входивших тогда в состав Российской империи, так и в Османской Турции. Основным положением тюркизма было утверждение, согласно которому все тюркоязычные этносы составляют единую нацию, и поэтому должны объединиться – как минимум, в сфере языка и культуры, а в идеале – также политически. В наиболее радикальном варианте идеал тюркизма представлял собой идею создания великого тюркского государства «от Босфора до Байкала»[61].

Среди отцов-основателей тюркизма следует назвать такие имена как **Исмаил Гаспыралы** (1851-1914) – крымский татарин, реформатор мусульманской системы образования в Российской империи, редактор газеты «Тержүман» («Переводчик») и автор знаменитого лозунга 'Dilde, fikirde, işte – birlik!' («Единство – в языке, в мыслях и в делах!») [6, с. 37-60; 7, с. 9-15]; профессор **Юсуф Акчура** (1876-1935) – казанский татарин по происхождению, эмигрант, известный политик и автор статьи 'Üç tarz-ı siyaset' («Три вида политики»), где он впервые в Турции четко сформулировал идею тюркизма; **Зия Гёкальп** (1876-1924)

– турецкий ученый, политик и поэт, автор известной книги 'Türkçülüğün esasları' («Основы тюркизма») [8], а также целый ряд других известных исторических личностей. Среди казахов в качестве ярко выраженных тюркистов следует назвать прежде всего имена **Мустафы Шокая** (см. выше) и **Турара Рыскулова** (1894-1938). Что касается последнего, сам факт возникновения даже внутри компартии мощного течения откровенно тюркистской направленности [9] показывает, какой мощью и привлекательностью обладала эта идеология в свое время.

Основные причины возникновения тюркизма были нижеследующие:

1). Тюркоязычных мусульман, находившихся **в составе Российской империи**, к объединению объективно толкала сама ситуация совместного противостояния общему угнетателю; следует также сказать, что Исмаил Гаспыралы в годы учебы в московской военной гимназии, куда его отправил отец, испытал сильное воздействие идеологии панславизма, распространенной тогда среди русской дворянской интеллигенции – юный Исмаил дружил с сыном М.Н. Каткова, редактора «Московских ведомостей», и однажды провел летние каникулы на даче у семьи Катковых, в среде самых активных панславистов. Увиденное и услышанное там заставило его серьезно задуматься о судьбе своего собственного народа.

2). **В Османской Турции** на рубеже 19 и 20 столетий также существовала благоприятная среда для распространения тюркистских идей: Османская империя распадалась, не только христианские меньшинства, но и некоторые мусульманские (не-тюркские) народы – такие как арабы, албанцы, – заявили о своем национальном самоопределении, вследствие чего мыслящая часть турецкого общества находилась в некоторой растерянности и в поисках новой идентичности.

Выше мы не случайно подчеркнули, что Исмаил Гаспыралы был крымским татариним, а Юсуф Аккура – казанским. Важно то, что идеи тюркизма не родились в Турции, а были принесены туда выходцами с нашего, как мы сейчас выражаемся, «евразийского» или постсоветского пространства. Хотя впоследствии, по ряду хорошо известных политических причин, именно Турция оказалась единственной страной, где идеология тюркизма смогла сохраниться и продолжала развиваться, тем не менее, тюркизм исторически не является «товаром турецкого производства», и это принципиально важно.

В настоящее время среди национально ориентированной интеллигенции как в Казахстане, так и в других тюркских странах и регионах СНГ преобладает два основных типа отношения к тюркизму: в него либо веруют – почти как в религию, либо отрицают как «отжившую свое» теорию – причем отрицают иногда столь же эмоционально. Наша точка зрения сводится к тому, что к историческому феномену тюркизма необходим, в первую очередь, строго научный, прагматический подход: тюркизм следует изучать и анализировать, вооружившись современными знаниями в сфере гуманитарных и социальных наук, и извлекать из него рациональное зерно, могущее оказаться полезным для современного казахстанского общества.

Прежде всего, очевидно, что тюркизм является разновидностью **национализма** (см. выше). Идея тюркизма была, фактически, ничем иным как одним из **национальных проектов** своего времени. По ряду причин – в основном внешнеполитических, – данный проект не осуществился в 20 столетии. Однако поскольку, с одной стороны, он по сей день имеет немало сторонников (хотя и в модифицированном виде), а с другой стороны, идентичность современных тюркских народов все еще продолжает формироваться, окончательно списывать тюркистский проект в архив истории представляется преждевременным. Важным для нас является то, что идею тюркизма необходимо квалифицировать именно как **проект** (который может быть более или менее выгодным, перспективным и т.п.), а не как теорию, которая должна быть либо «правильной» (т.е. подлежащей доказательству), либо «неправильной» (т.е. подлежащей опровержению). Как уже говорилось выше, наследие тюркизма следует рассматривать в свете современной гуманитарно-социальной науки и, беря на вооружение те его элементы, которые остаются актуальными по сей день, использовать их в процессе реализации современного казахстанского **национального проекта**.

Тюркизм и национальное строительство в Казахстане

Хотя идея создания единого тюркского государства, равно как и единого литературного языка для всех тюркских народов, возникнув в совершенно иных исторических условиях, явно не отвечает современной реальности, того же самого никак нельзя сказать о самой идее формирования единого общетюркского самосознания (идентичности). Данная идея остается, на наш взгляд, актуальной и перспективной по сей день. При этом речь идет не о «замене» современных идентичностей (казахской, узбекской, татарской и т.д.) на общетюркскую, а скорее о «надстройке еще одного этажа» [7] над этими уже существующими идентичностями. Иначе говоря:

- как можно быть *дулатом, найманом* или *адайцем* – и вместе с тем **казахом**,
- как можно быть *сирийцем, алжирцем* или *египтянином* – и вместе с тем **арабом**,
- точно так же, по нашему убеждению, можно считать себя *казахом, узбеком* или *татариним* – и вместе с тем **тюрком**.

Ниже мы постараемся продемонстрировать положительные, выгодные стороны такого проекта для современного казахского и казахстанского общества.

В большинстве национальных проектов ключевыми являются следующие два пункта: 1) языковая политика, направленная на создание и сохранение языкового – и, как следствие, культурного, – единства нации; 2) формирование общего исторического самосознания, т.е. написание национальной истории. Следует подчеркнуть, что «национальная история» – это далеко не то же самое, что «история нации». Если история нации – это последовательность объективно имевших место исторических событий, которые могут исследоваться учеными, о которых могут высказываться самые разные – в т.ч. противоположные, – мнения, то **национальная история** – это общепринятая в данном обществе **версия** его истории. Выражаясь несколько огрубленно – это та история, которая преподается детям в средней школе. Следует заметить, что именно история является наиболее субъективной среди всех гуманитарных наук, вследствие чего при создании национальной истории очень часто возникает возможность весьма по-разному сказать об одном и том же. Кроме того, ответы на вопросы, задаваемые ученым-историком, в огромной степени зависят от формулировки самих вопросов, от тех «очков», через которые историк смотрит на прошлое. Т.о., при написании **национальной истории** во внимание принимается не только объективная реальность (которую далеко не всегда возможно полностью восстановить применительно к историческому прошлому), но и соображения сугубо прагматического плана. Разумеется, такие грубые манипуляции с прошлым и такая жестокая вивисекция над исторической памятью народов, какая имела место в советское время – недопустимы как с морально-этической, так и с научной точки зрения. Тем не менее, следует признать, что мифологизация истории и манипуляция историческими фактами в угоду конъюнктуре сегодняшнего дня в той или иной мере имеет место практически в **любой** государственной историографии.

Для Казахстана наиболее трудной задачей в этом плане является написание такой версии истории для школьных учебников, которая могла бы быть принята как **своя** история **всеми** казахстанцами, независимо от их этнических корней. По ряду объективных причин задача эта – весьма и весьма непростая. Фактически, приходится признать, что «общее прошлое» для казахстанцев еще только предстоит «сконструировать».

На данный момент как **общая** история всех казахстанцев воспринимается только период после 1917 года, и то с рядом оговорок. Кроме того, названный исторический период воспринимается как общая история не столько даже именно **казахстанцев**, сколько всего постсоветского пространства – фактически, это история не Казахстана, а СССР, представители почти всех народов которого проживают сегодня в РК. Что же касается, например, истории Казахского ханства – вряд ли кто-либо кроме этнических казахов воспринимает ее сегодня как **свою** собственную. Напротив, историю Тюркских Каганатов, которую также проходят в рамках курса «История Казахстана», в принципе, могут принимать как часть **своего** прошлого, по крайней мере, представители всех тюркских этносов, проживающих в нашей стране. Итак, мы видим, что разные отрезки истории Казахстана имеют неодинаковое отношение к разным группам населения и, соответственно, по-разному воспринимается ими. Задача состоит в том, чтобы подать прошлое страны в таком ракурсе, чтобы оно целиком и полностью воспринималось как своя история если не всеми поголовно на первых порах, то хотя бы большинством полиэтничного населения Казахстана.

Общетюркская парадигма применительно к национальной истории

Далее мы рассмотрим те конкретные преимущества, которые дает общетюркская парадигма для создания национальной истории казахов и Казахстана:

1. Прежде всего, такой подход отвечает острой потребности формирования **положительной самооценки**, которая была жестоко подорвана у казахов и других тюркских народов СНГ за долгий период политической зависимости [8]. Если казахский (узбекский, татарский, кыргызский, ...) школьник узнает из учебника истории, что он не только казах (узбек, татарин, кыргыз, ...), но также и **тюрк**, т.е. представитель великого народа, который:

- возник в незапамятной древности,
- владел территориями от Желтого моря до Черного,
- управлял Индией, Египтом и Русью,
- создал великую Османскую империю, которая много веков была оплотом Ислама во всем мире,
- дал миру целую плеяду гениев науки и искусства,
- создал памятники культуры мирового значения,
- ... (список можно продолжать), -

такая подача истории, несомненно, сообщит ему чувство гордости и радости, т.е. однозначно позитивную самооценку. (Выше мы нарочито эмоционально перечисляем общеизвестные исторические факты, чтобы

наглядно продемонстрировать данное положение.) Очевидно, что вышеприведенный внушительный список не может быть целиком присвоен ни одному из современных тюркских народов по отдельности, но лишь **тюркскому миру** как **единому целому**. А принять сознательно такой подход, или же упустить эту возможность – зависит от нас самих.

2. «Общетюркский» подход к истории автоматически решает проблему **«дележа» исторического наследия** (древнего и средневекового) между современными тюркскими народами. Так, автоматически отпадает вопрос о «национальной» принадлежности аль-Фараби или Кожя Ахмета Яссауи – были они «древними казахами» или «протоузбеками»? Или, например, исчезнет необходимость определять, к которой из современных тюркских литератур «принадлежат» такие произведения как «Кутадгу Билиг» или «Кысса-и Юсуф» (на последнее, вместе с его автором Кул Гали, сегодня претендуют одновременно туркмены и казанские татары). Если история до 15 века будет преподаваться именно как **общетюркская**, и лишь начиная с 15 века – уже как отдельная история Казахстана – сама возможность (!) возникновения подобных недоразумений будет раз и навсегда пресечена на корню.

Важность данной проблемы ни в коем случае нельзя недооценивать. Предостерегающим примером для нас может послужить «историографический конфликт» между Россией и Украиной. Обе родственные страны претендуют на статус основного и прямого наследника Киевской Руси, в результате чего само существование друг друга оказывается труднообъяснимым в рамках сложившихся исторических нарративов – соответственно, русского и украинского. Так, русские националисты считают украинцев «малороссами» или «южными русскими», а их язык – лишь диалектом русского языка. Само существование украинского государства они воспринимают как временное недоразумение, порожденное интригами внешних врагов православного славянства. В свою очередь, радикально-националистический украинский нарратив рассматривает русских («москалей») лишь как побочный продукт экспансии Киевской Руси в северном направлении и смешения части древних русичей с финноуграми и татарами.

Не будет большим преувеличением сказать, что современные русская и украинская национальные идентичности в немалой степени основаны (!) на этом взаимном отрицании, что служит хроническим источником недоверия между двумя родственными странами. «Конфликт», фактически, происходит в виртуальном, воображаемом мире, но этот последний неожиданно сильно влияет на мир реальный и на людей, в нем живущих.

В настоящее время возникновение подобного «конфликта памяти» является наиболее вероятным между казахской и узбекской историографией. Подобной ситуации необходимо избежать, и именно «общетюркский» подход к нашей национальной истории позволяет сделать это легко и безболезненно. Излишним будет говорить, что развитие отношений между Казахстаном и Узбекистаном является судьбоносным фактором для будущего всей Центральной Азии.

3. К сожалению, в исторических взаимоотношениях между современными тюркскими этносами нередко имели место столкновения, историческая память о которых, отраженная в национальных историографиях тюркоязычных стран, по сей день влияет на общественное сознание их народов. В качестве классических примеров можно привести историю соперничества между казахскими ханами и узбекскими шейбанидами из-за сырдарьинских городов или, например, столкновения между казахами и кыргызами в годы правления Абылай-хана и его внука Кенесары.

Последовательное проведение общетюркского подхода к национальной истории в школьных и вузовских учебниках позволило бы, не поступаясь исторической правдой, в то же время существенно сгладить такие острые моменты путем создания более мягких и объективно-нейтральных нарративов для описания такого рода исторических событий. Цель – постепенно приучить аудиторию воспринимать подобные исторические факты так же, как современные жители Англии воспринимают войну Алой и Белой роз, или современные россияне – завоевание Новгорода Иваном Грозным. Как удачно сформулировал известный турецкий политик, мы должны научиться одинаково чтить Тамерлана и Баезида Йылдырыма, поднявшись над их враждой в прошлом и рассматривая ее с высоты нашей современности как эпизод общей истории [11, с. 298].

Такой подход к былым конфликтам между тюрками позволил бы, не искажая фактов, в то же время пресечь развитие недоверия и неприязни между современными тюркскими народами и государствами – что, очевидно, означает вполне реальные политические, а затем и экономические дивиденды в будущем. Особенно важной задачей текущего момента, на наш взгляд, является «историографическое примирение» между двумя крупнейшими государствами Центральной Азии – Казахстаном и Узбекистаном.

4. подача отечественной истории в «общетюркском» ракурсе позволила бы раз и навсегда четко отграничить научное исследование истории казахских родов и жузов от нездоровых политических спекуляций на этой теме. С одной стороны, жузо-родовой лоббизм в Казахстане на самом деле существует. Но с другой стороны, этот вопрос зачастую искусственно раздувается и роль данной проблемы в казахском и

казахстанском обществе – многократно преувеличивается. В результате любой разговор о казахских жузах и родах получает нездоровую политическую окраску – либо, по крайней мере, оказывается чреват поворотом в деструктивную сторону. В то же время, спокойное и объективное изучение истории каждого казахского рода чрезвычайно важно для воссоздания полной картины истории как казахского этноса, так и тюркского мира в целом.

Как известно, многие крупные казахские роды в далеком прошлом представляли собой самостоятельные этнические группы, которые в период средневековья приняли участие в формировании не только казахского, но и ряда других тюркских народов. Например, род **қыпшақ** имеется не только у казахов, но также у башкир и алтайцев, часть кыпчаков вошла также в состав современного узбекского народа как субэтническая группа (*қипчоқ*); род **арғын** есть в составе казахов и крымских татар; род **найман** – у казахов и алтайцев (*майман*); роды **табын** и **жағалбайлы** – у казахов и башкир (*йағалбайлы*); группа **ноғай**, часть которой вошла в состав Младшего жуза казахов, за пределами Казахстана представляет собой самостоятельный народ (ногайцы на Северном Кавказе), а кроме того, в составе крымско-татарского народа также существует субэтническая группа *ноғай*. Подобное «взаимопересечение» древних родовых и современных этнических границ свойственно практически всему тюркскому миру. Например, род **мундус** есть у алтайцев и кыргызов, а род под названием **кыргыз** имеется также в составе тувинцев; кроме того, одноименный тюркоязычный народ, этнически близкий к хакасам, проживает на северо-востоке Китая, в Маньчжурии (т.н. *су-юйские кыргызы*).

Этот список можно продолжать очень долго. Главное, что мы хотели продемонстрировать приведенными выше примерами – это то, как многое меняет смена «очков», через которые мы смотрим на свое прошлое. Покуда мы стараемся писать историю именно **казахов** как совершенно «отдельной» нации, жузо-родовой фактор является скорее разделяющим, в результате чего сама эта тема становится политически небезопасной. Напротив, если мы стараемся охватить всю панораму **тюркского мира** в целом, и именно в этом ракурсе изучаем историю казахских родов – сразу же становится реально осязаемым то, насколько тесно переплетена между собой история всех тюркских народов, и т.о. «разделяющий» родоплеменной фактор сразу становится фактором **объединяющим**. На этом примере нагляднее всего видно, что ответы, которые дает нам история, в огромной степени зависят от правильной формулировки вопросов, которые мы ей задаем [9].

5. Как известно, групповые – в том числе национальные, – идентичности существуют лишь относительно друг друга и очень часто развиваются, отталкиваясь от негативного образа «других» [10, с. 328-329]. Казахский **политический национализм** сформировался на рубеже 19 и 20 столетий – в период, когда Казахстан был колонией Российской империи, и продолжал развиваться уже в советский период, когда Казахстан (Казахская ССР) также находился в политической и экономической зависимости от России [10]. Очевидно, что казахский национализм, возникший в первую очередь как ответная реакция на политику России (сначала царской, а затем советской), был практически «обречен» развиваться в антирусском и антироссийском направлении, что легко проследить по многим публикациям в казахстанской – особенно казахоязычной, – печати, начиная с конца 1980-гг. В то же время такие факторы как, во-первых, присутствие многочисленной русской диаспоры, а во-вторых, острая необходимость сотрудничества с Россией как в экономической, так и в военной сфере (последнее означает в первую очередь совместное противостояние потенциальной угрозе со стороны Китая) делают как минимум опасным, если не самоубийственным, открытое разыгрывание «антирусской карты» даже во внутренней политике РК, не говоря уже о международной. Таким образом возникает своего рода внутренний конфликт между исторически сложившимся направлением развития казахского политического национализма с одной стороны, и нуждами реальной политики молодого казахстанского государства, с другой.

В случае сознательного принятия более широкой «общетюркской» идентичности и проведения соответствующего подхода в учебниках по отечественной истории, история эта будет существенно глубже «укоренена» в прошлом, т.е. будет начинаться как минимум (!) с хуннского периода [11], причем первые ее главы будут посвящены долгой и тяжелой борьбе кочевников Великой Степи с китайскими империями. Естественное при этом отталкивание от негативного образа Китая может эмоционально объединять казахстанских школьников любого этнического происхождения, включая русских и других этнических европейцев, объединяя их тем самым с коренными казахами [12]. Далее, как в средневековый период (до создания Казахского ханства), так и в период до начала 18 века контакты предков казахов и собственно уже казахов с Россией и русскими были довольно ограниченными. Т.о., негативные моменты, имевшие место в казахско-российских отношениях, в случае «удлинения» истории Казахстана, будут относиться лишь к самому позднему ее периоду, отношение к которому уже не будет играть решающей роли для формирования казахского и казахстанского патриотизма.

Важно также то, что китайская угроза была актуальной в древнетюркский период и во времена казахского ханства (фактически, даже джунгарская экспансия в Центральную Азию была лишь последствием экспансионистской политики Цинской империи), и столь же актуальной остается эта проблема по сей день.

В этом состоит принципиальное отличие между джунгарами и китайцами как кандидатами на роль главного «отрицательного персонажа» для казахстанской национальной историографии. Джунгары, давно исчезнувшие с политической арены, являются в этом смысле «ветряной мельницей», борьба против которой давно потеряла актуальность. Безусловно логичным и политически правильным является то, что первый казахский исторический блокбастер «Кочевники» был снят о борьбе Абылай-хана против джунгар – а не, например, Кенесары Касымова против России. Но еще правильнее было бы, на наш взгляд, снять патриотический фильм о борьбе хуннов или орхонских тюрков с Китаем. Однако для этого необходимо сначала четко и внятно признать их «нашими» - т.е. принять предлагаемый выше общетюркский подход к своей национальной истории [13].

Таким образом, хотя исторический тюркизм 19 и 20 веков всегда объективно был в той или иной степени антирусски направленным политическим течением [14], тем не менее, в условиях 21 столетия именно обращение к наследию тюркизма парадоксальным образом позволяет снова «убить двух зайцев» - т.е. максимально уменьшить антирусский «заряд» в казахском национальном самосознании, при этом **не ослабляя** его как таковое. Эта возможность очевидным образом отвечает актуальнейшим потребностям национального и гражданского строительства в современном Казахстане.

6. Общетюркский подход к отечественной истории позволит адекватно подходить к таким ее страницам как **джадидизм** и **мусульманский национал-коммунизм** (см. выше) и изучать их как исторические явления, реально вписывающие историю казахов и Казахстана в общий контекст истории тюркского мира. Более того, тот факт, что идеи мусульманского-национального коммунизма впоследствии сыграли немалую роль в антиколониальных революциях в мусульманских странах дальнего зарубежья – например, таких как Алжир, Индонезия, – дает нам сегодня возможность естественно и органично вписать историю Казахстана 20 века в контекст общей истории не только тюркского мира, но и всего мусульманского Востока. Кроме того, указанные исторические феномены относятся к совсем недавнему прошлому, что позволяет при включении соответствующих разделов в программу школьного и вузовского курсов истории Казахстана опираться на реальные факты, избегая излишней мифологизации истории.

7. Наконец, рассмотрение истории казахов и Казахстана в более широком контексте истории **тюркского мира** в целом, с одной стороны, сильно облегчило бы ее восприятие как **своей** истории представителями тюркоязычных меньшинств (таких как узбеки, уйгуры, татары, турки, азербайджанцы и др.), которые вместе с казахами уже сейчас составляют значительное большинство населения страны, а с другой стороны, как это ни странно на первый взгляд, помогло бы «объединить прошлое» тюркской и нетюркской части населения Казахстана. Так, например, оно облегчило бы введение в оборот некоторых идеологем из арсенала евразийства [15], что, в свою очередь, могло бы быть привлекательным и для славянской части населения [16]. Или, например, было бы как-то несерьезно с научной точки зрения – и потому не убедительно, – говорить о каком-то особом родстве корейцев и **казахов** (отдельно взятых). А вот древнее родство корейцев и японцев с **тюрками** (в целом) – это вполне серьезная гипотеза, подтверждаемая данными лингвистики, генетики и этнографии. Можно, наверно, найти и другие примеры. Этими примерами мы хотим продемонстрировать, что более широкий «размах» или, иначе выражаясь, тот трафарет, который мы накладываем на прошлое – сам по себе дает бóльшую свободу для «маневра» при трактовке исторического прошлого.

8. Наконец, следует коснуться еще одной чрезвычайно важной темы. Речь идет о роли конфессионального – исламского, – фактора для формирования казахской идентичности. К сожалению, по ряду причин среди части современной казахской интеллектуальной элиты распространено негативное отношение к религии в целом, и к исламу в особенности [17]. Отчасти это связано с неизжитыми по сей день издержками советского атеистического воспитания, отчасти также с той дискредитацией, которой ислам подвергается в последние годы на международной арене [18].

В качестве одного из обоснований своей позиции антиисламски настроенные представители казахской интеллигенции ссылаются на тот факт, что в целом казахи (как минимум, до 19 века) были значительно менее религиозны, чем ряд других тюрко-мусульманских народов – таких как узбеки, татары, уйгуры, турки, азербайджанцы, – и что в казахской культуре весьма сильны были пережитки доисламских верований. Само по себе это утверждение соответствует действительности [14, с. 165], однако простая констатация этого факта отнюдь не равносильна утверждению, что исламский компонент казахской идентичности не играет принципиально важной роли в наше время – выражаясь огрубленно, что казахам «еще не поздно сменить религию». Ниже мы постараемся как можно подробнее показать ошибочность такой точки зрения, а также раскрыть связь между исламским компонентом казахской идентичности и предлагаемым «общетюркским» подходом к конструированию казах(стан)ской национальной истории.

Прежде всего, самоочевидным является тот факт, что никакое связное повествование об истории Казахстана немыслимо без истории Казахского ханства: каким бы децентрализованным и даже аморфным

оно ни было в отдельные периоды своего существования, были также и периоды его усиления, а кроме того, по сравнению с целым рядом других **кочевых** государственных образований именно Казахское ханство просуществовало довольно-таки долго. Как бы там ни было, именно оно является первым государством собственно **казахов**, и в этом смысле слова предтечей современной казахской государственности.

Столицей Казахского ханства был, как известно, г. Туркестан (Яссы), где расположен мавзолей великого суфийского учителя Кожа Ахмеда Яссауи, в котором были похоронены многие выдающиеся исторические деятели из всех трех жузов, а также большинство казахских ханов. Таким образом, мавзолей Кожа Ахмеда Яссауи является нагляднейшим материальным доказательством того фундаментального факта, что **все** казахские роды издавна обладали **общим** политическим самосознанием – что само по себе есть наиважнейший постулат, значимость которого для национальной историографии трудно переоценить. Наличие такого внушительного доказательства как туркестанский «пантеон» делает принципиально невозможными любые мало-мальски серьезные попытки ревизии данного положения.

С другой стороны, совершенно очевидна также роль мавзолея К.А. Яссауи в Туркестане как **религиозного** символа, связующего историю казахов с историей как мусульманского Востока в целом, так и, в первую очередь, с историей других тюркоязычных мусульманских этносов. Так, общеизвестным фактом является огромная роль, которую сыграл тарикат Накшбандийа (дочерний по отношению к Яссауи) в истории всей Центральной Азии, а также Османской империи.

Следует особо подчеркнуть также и то, что исламский компонент исключительно важен как для отдельно взятой **казахской** идентичности, так и для **общетюркской**. Дело в том, что современные тюрко-мусульманские народы реально объединяет не столько биологическая общность происхождения, и даже не единство традиционной культуры [19], а именно **общность религии**, помноженная на **родство языка** (которое само по себе, **отдельно взятое**, вряд ли давало бы основание для постулирования какой-либо реальной исторической общности – например, много ли общего у ираноязычных таджиков с ираноязычными осетинами? Или у тюркоязычных якутов с тюркоязычными азербайджанцами?). Т.о., можно сказать, что никакой «общетюркской» культуры реально не существует без ее **исламского** компонента. Так же верно и то, что любая попытка каким-либо образом «изъять» мусульманский компонент из современного казахского исторического самосознания чревато опасностью разрушить его до основания.

Подытоживая, можно сказать, что любой мало-мальски последовательный антиисламизм является как минимум контрпродуктивным и даже деструктивным с точки зрения казах(стан)ского государственного и национального строительства, равно как и с точки зрения реализации «тюркского проекта» [20]. Этот объективный факт может и должен быть признаваем вне зависимости от личного отношения каждого отдельного индивидуума к религии вообще и к исламу в частности – которое само по себе, безусловно, остается частным делом каждого гражданина.

Итак, предлагаемая нами общетюркская парадигма применительно к казахской и казахстанской национальной истории позволяет, помимо всего прочего, окончательно определить реальное место и роль конфессионального фактора в казахской национальной идентичности. Это, в свою очередь, должно способствовать выработке более четкого и последовательного подхода к вопросам религии в государственной политике – прежде всего в таких вопросах как деятельность иностранных миссионерских организаций, повышение религиозной грамотности населения и т.п.

Заключение

Подытоживая, хотелось бы еще раз подчеркнуть следующие принципиальные моменты:

1. одной из актуальнейших задач национального и государственного строительства в Казахстане является конструирование такой версии национальной истории, которая соответствовала бы жизненным интересам государствообразующего казахского этноса, но в то же время могла бы быть воспринята как «своя собственная история» не только этническими казахами, но и подавляющим большинством всего полиэтничного населения Казахстана;
2. наиболее соответствующим этой цели представляется обращение к историческому наследию тюркизма;
3. мы относимся к идее тюркизма не как к **идеологии**, а именно как к **историческому наследию**, изучение которого может быть полезным для национального строительства в современном Казахстане, а также – одновременно с этим, – как к одному из **национальных проектов** прошлого, отдельные элементы которого могут быть приняты на вооружение и сегодня;
4. речь идет о таком варианте «тюркского» проекта, реализация которого в любом случае была бы **выгодна в первую очередь для самого казахского и казахстанского общества – вне зависимости от того, в какой степени он будет принят и реализован в остальной части тюркоязычного мира**;
5. последовательное принятие «общетюркского» подхода в казахстанской историографии создаст адекватные теоретические предпосылки для исследования таких актуальнейших тем как история движений **джадидизма** и **мусульманского национал-коммунизма** в Казахстане, а также история

казахских родов;

6. принятие «общетюркского» взгляда на национальную историю позволит также раз и навсегда четко определить место и роль исламского фактора в казахской истории и современной идентичности;
7. изучение наследия тюркизма должно осуществляться с опорой на современную теорию нации и национализма в целом; развитие данной отрасли гуманитарно-социальной науки является актуальной потребностью для академического сообщества Казахстана.

Список источников:

1. Харитоновна Н.И. Национальный вопрос в Казахстане // http://www.ia-centr/public_php?id=30 (15.06.2006).
2. Calhoun C. Nationalism and Ethnicity [Национализм и этничность] // Annual Review of Sociology. 19. 1993.
3. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. «Путь», № 1. М., 1992.
4. Edwards J. Multilingualism [Многоязычие]. London – NY, 1994.
5. Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. Отв. ред. А.И. Миллер. М., 1994.
6. Kırımlı, Hakan. Kırım Tatarlarında millî kimlik ve millî hareketler (1905-1916) [Национальная идентичность и национальные движения у крымских татар (1905-1916)]. Ankara, 1996.
7. Landau, Jacob M. Pan-Turkism: from Irredentism to Cooperation [Пантюркизм: от ирредентизма к сотрудничеству]. London: Hurst & Company, 1981.
8. Gökalp, Ziya. Türkçülüğün Esasları [Основы тюркизма]. Ankara, 1923.
9. Bennigsen, Alexandre A., Wimbush, Enders S. Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World [Мусульманский национальный коммунизм в Советском Союзе: революционная стратегия для колониального мира]. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1979.
10. Эриксон Э. Идентичность: молодость и кризис. Москва: Флинта, Московский психолого-социальный институт, Прогресс, 2006.
11. Zeybek, Namık Kemal. Türk Olmak [Быть тюрком]. Ankara: Ocak Yayınları, 1999.
12. Дугин А.Г. Основы геополитики. Москва: Арктогея, 2000.
13. Алтынбекова О.Б. Языковая ситуация в Казахстане: макро- и микросоциологическая парадигма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Алматы: Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, 2006.
14. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Алматы: Дәуір, 1993.
15. Саттаров Р. «Являются ли турки родственным казахам народом?!» // Являются ли турки родственным казахам народом! - Общество - Интернет-газета_ Казахстан.htm

[1] Наше отношение к идее «казахстанской нации» весьма неоднозначно и зависит от того, каким конкретным содержанием наполняется данное понятие. Настоящая статья является в некотором смысле попыткой предложить новую, «нетрадиционную» его трактовку.

[2] Так, президент Назарбаев официально провозглашает своей стратегической целью создание казахстанской **политической нации** по примеру французской [1]. Обращение Президента именно к французской (а не американской) модели представляется нам глубоко не случайным: мало кто в Казахстане сейчас знает, что именно французская модель, помимо «свободы, равенства и братства», огромное внимание уделяет культурному единству населения – в отличие от американского «multiculturalism’а». Например, **государственный язык** (французский), которым во времена Революции владело меньше половины населения, исключительно жестко насаждался всей мощью государственной машины вплоть до середины 20 века.

Вообще говоря, классики теории национализма признают, что ни одна из реально существующих в мире **наций** не является на 100% «этнической» или «гражданской» – оба эти начала всегда присутствуют в той или иной пропорции [2]. Республика Казахстан в настоящий

момент находится на распутье, выбирая свой вариант национального строительства.

[3] Следует также заметить, что такая судьба ожидает в ближайшем будущем сотни и тысячи этносов, проживающих на планете, и фактически только те, кому посчастливилось войти в 21 век со своим независимым государством, имеют реальный шанс на выживание и достойное будущее в эпоху глобализации. Этот факт заставляет задуматься об эпохальном значении и масштабе той исторической удачи, которая выпала казахскому народу на исходе 20 столетия, и которую многие в нашем обществе, увы, так мало осознают и ценят по сей день.

[4] Именно поэтому османские султаны имели также титул халифа (наместника Пророка), христианские монархи венчались на царство в церкви и назывались «помазанниками Божиими», китайские императоры считали себя «сынами Неба», а японский император Хирохито лишь в 1945 г., после поражения Японии во II мировой войне, официально признал, что не является потомком богини Аматаэрасу.

[5] Хотя официально речь всегда шла не о «советском национализме», а о «советском патриотизме», тем не менее очевидно, что советский проект был ни чем иным как попыткой создания гражданской нации.

[6] В таком радикальном виде данная идеология чаще называется «пантюркизм». Хотя термины «тюркизм» и «пантюркизм» нередко употребляются как синонимы, мы, тем не менее, считаем нужным разграничить эти понятия, и в данной статье ведем речь об умеренном тюркизме.

[7] В англоязычной литературе используется весьма удачный термин umbrella-identity (букв. «идентичность-зонтик»), применяемый именно к таким случаям, когда несколько разных идентичностей органично вменяются в одну общую, более широкую.

[8] Негативная идентичность, доходящая иногда до «ненависти к себе» - явление, характерное для угнетенных или эксплуатируемых групп [10, с. 315-316]. Можно спорить о том, в какой степени отношения между РСФСР и другими республиками в составе СССР были отношениями по принципу «метрополия-колонии» (ответ на этот вопрос может быть неодинаковым в зависимости от того, о какой республике и о каком периоде советской истории идет речь), но, как бы то ни было, многие представители среднего поколения казахов могут, положив руку на сердце, вспомнить, как они стеснялись своей национальности и мечтали быть русскими в годы своего детства и юности. Радикальным образом избавиться от остатков негативной идентичности, трансформировать ее в позитивную – одна из актуальнейших задач развития казахского национального самосознания.

[9] В настоящее время проект сравнительно-сопоставительного исследования наименований тюркских родо-племенных групп разрабатывается под руководством д.ф.н., доц. Тажибаевой С.Ж.

[10] Отдельной интересной темой для исследования может и должна быть история развития политического национализма у казахов диаспор – в первую очередь у казахов Сынцзян-Уйгурского автономного района КНР, в составе которого казахи имеют автономию (Казахская автономная область).

[11] В настоящее время до-казахский период истории Казахстана описывается в таких выражениях как «территория Казахстана входила в состав ...» или «территория нашей страны была населена ...». В итоге для сознания школьников и студентов остается не вполне ясным, является эта история «уже нашей» или «еще нет». Предлагаемый нами подход позволит, образно выражаясь, «убить двух зайцев», т.е. четко и ясно называть всю древнетюркскую историю однозначно «нашей», при этом последовательно избегая антинаучных попыток называть хуннов или орхонских тюрков «древними казахами», и т.о. неправомерно монополизировать общее прошлое тюркских народов.

[12] Следует заметить, что все условия для развития общекзахстанского патриотизма именно в этом направлении уже реально существуют, т.к. китайское присутствие в Казахстане – как легальное, так и нелегальное, – непрерывно наращивается с начала 1990-х гг. [1].

[13] В противном случае основным «отрицательным героем» нашего исторического нарратива придется сделать либо джунгар (что сегодня мало актуально), либо Россию (что крайне опасно).

[14] Хотя, безусловно, существует огромное различие между оборонительным тюркизмом Исмаила Гаспыралы и, например, ультраправыми националистическими движениями в Турции середины - 2 половины 20 века.

[15] Понятие «евразийство», безусловно, требует осторожного обращения из-за своей аморфности и,

как следствие, чрезвычайного многообразия современных политических течений, ассоциирующих себя с евразийством. В России сегодня существуют политики в т.ч. радикально-националистического толка – такие как, например, А.Г. Дугин [12], – также апеллирующие к наследию евразийства. В то же время, некоторые политики националистического направления в Турции на сегодняшний день также обращаются к идее евразийства, которое ими понимается как стратегическое сотрудничество между объединенным тюркским миром и Россией – например, подобные идеи звучали в публичных выступлениях Н.К. Зейбека, бывшего главы Попечительской комиссии МКТУ им. К.А. Ясауи, ранее министра культуры Турции.

[16] Вопрос о полной интеграции европейского («русскоязычного») населения, безусловно, является одним из наиболее сложных. Вероятно, этнические европейцы в Казахстане после всех демографических изменений [13, с. 18-19] займут в итоге социальную нишу, аналогичную той, которую занимают сегодня стамбульские греки, армяне и евреи. Это немногочисленные, но экономически процветающие этнические группы, чрезвычайно влиятельные в экономике г. Стамбула, где проживает около четверти населения Турции. Они прекрасно владеют турецким языком (для многих он стал, фактически, родным), но при этом сохраняют свою обособленную идентичность. При этом они прекрасно чувствуют себя в Турции и не собираются «репатриироваться» на историческую родину, хотя в полной мере частью **турецкой нации** они так и не стали. Основное реальное их отличие от большинства – в их конфессиональной принадлежности, которой они сами придают огромное значение. Казахстанских русских и др. этнических европейцев с немусульманскими меньшинствами Турции сближает помимо всего то, что уровень их урбанизации, равно как и процент успешных представителей среднего класса среди них в среднем выше, чем среди основной части населения.

[17] Это, в свою очередь, является одним из факторов, облегчающих деятельность протестантских и др. миссионерских организаций, ставящих своей целью изменить конфессиональную ориентацию казахского народа.

[18] Основная тематика и объем настоящей статьи не позволяют нам углубиться в подробный анализ причин этой дискредитации.

[19] В этой связи представляет интерес статья Р. Саттарова «Являются ли турки родственным казахам народом?!» [15], в которой автор, ссылаясь на данные антропологии и этнографии (а также на трагические события в Тенгизе), весьма убедительно доказывает, что турки вовсе «не родственны» казахам. Недоразумение здесь заключается в том, что под «родством» автор подразумевает в первую очередь «кровное» родство, т.е. биологическую общность происхождения. Действительно, достаточно поставить рядом казаха и турка или, например, киргиза и казанского татарина, чтобы наглядно убедиться в сомнительности теории расового единства тюркоязычных народов. Традиционные культуры тюркских этносов также серьезно отличаются друг от друга. Однако с точки зрения национального строительства в целом и национальной историографии в частности принципиально важным является не столько родство «крови», или даже близость традиционной этнической культуры, сколько единство исторической судьбы, основанное на общности «высокой» культуры (т.н. high culture) – а таковое единство, несомненно, связывает тюрко-мусульманские народы между собой, причем в первую очередь – именно через исламскую религию и связанный с ней пласт культуры. Следует также вспомнить о том, что нация – это не столько раз и навсегда объективно данная реальность, сколько успешно реализованный проект. Т.о., при всем уважении к альтернативной точке зрения, турки все же **являются** родственным казахам народом.

[20] Здесь следует заметить, что негативное отношение части казахской интеллектуальной прослойки также и к идее тюркского единства главным своим источником имеет именно антиисламский предрассудок, поскольку как вписывание казахской истории в общетюркскую означает повышение роли исламского компонента в казахской идентичности, так и реальное сотрудничество Казахстана с другими тюркоязычными государствами (в первую очередь с Турцией) означает сближение со странами, хотя и светскими по своему государственному устройству, но все же намного «более мусульманскими», чем сам Казахстан.